UNIVERSITY OF TORONTO
3 1761 00112779 4

PG
3476
S4352
A73
1916a

Digitized by the Internet Archive
in 2010 with funding from
University of Toronto

http://www.archive.org/details/ananasyvshampans00seve

ИГОРЬ СѢВЕРЯНИНЪ.

АНАНАСЫ ВЪ ШАМПАНСКОМЪ.

ПОЭЗЫ.

МОСКВА.

1916.

ИГОРЬ СѢВЕРЯНИНЪ.

ТОМЪ III.

ИГОРЬ СѢВЕРЯНИНЪ.

СОБРАНІЕ ПОЭЗЪ.

ТОМЪ ТРЕТІЙ.

ИЗДАНІЕ

В. В. ПАШУКАНИСА.

ИГОРЬ СѢВЕРЯНИНЪ.

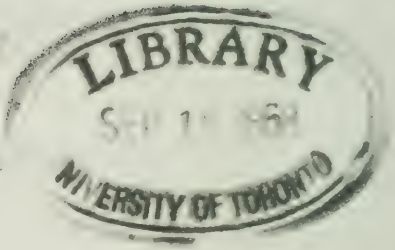
АНАНАСЫ
ВЪ ШАМПАНСКОМЪ.

ПОЭЗЫ.

МОСКВА.

1916.

PG
3476
S4S57
A73
1916a



Москва.
Типо-литографія Русскаго Товарищества. Печат. и Издател. дѣла.
Чистые пруды, Мыльниковъ пер., соб. домъ.
1916.

АНАНАСЫ

ВЪ ШАМПАНСКОМЪ.

VICTOR KAMKIN INC.
RUSSIAN REPRINT SERIES 5

I.

РОЗИРИСЪ.

УВЕРТЮРА.

Ананасы въ шампанскомъ! Ананасы въ шампанскомъ!
Удивительно вкусно, искристо и остро!
Весь я въ чемъ-то норвежскомъ! весь я въ чемъ-то испанскомъ!
Вдохновляюсь порывно! и берусь за перо!

Стрекотъ аэроплановъ! бѣги автомобилей!
Вѣтропросвистъ экспрессовъ! крылолётъ буэровъ!
Кто-то здѣсь зацѣлованъ! тамъ кого то побили!
Ананасы въ шампанскомъ — это пульсъ вечеровъ!

Въ группѣ дѣвушекъ нервныхъ, въ остромъ обществѣ дамскомъ
Я трагедію жизни претворю въ грезофарсъ...
Ананасы въ шампанскомъ! Ананасы въ шампанскомъ!
Изъ Москвы — въ Нагасаки! изъ Нью-Іорка — на Марсъ!

1915. Январь.
Петроградъ.

ГРАНДІОЗЪ.

Грааль-Арельскому.

Всѣ наслажденья и всѣ эксцессы,
Всѣ звѣзды міра и всѣ планеты
Жемчужу гордо въ свои сонеты, —
Мои сонеты — колье принцессы!

Я надѣваю, подъ взрывъ оркестра,
Колье сонетовъ (размахъ измѣрьте!)
Да, надѣваю рукой маэстро
На шею Дѣвы. Она — Безсмертье!

Она внѣ міра, она безъ почвы,
Безъ окончанья и безъ начала...
Ничто святое ее зачало...
Кто усомнится — уйдите прочь вы!

Она безмѣстна и повсемѣстна,
Она невинна и сладкогрѣшна,
Да, сладкогрѣшна, какъ будто бездна,
И точно бездна — она безбрежна.

Подъ барабаны, подъ кастаньеты,
Всѣ содроганья и всѣ эксцессы
Жемчужу гордо въ колье принцессы,
Не знавшей почвы любой планеты...

1910. Іюнь.

ВЪ КОЛЯСКѢ ЭСКЛАРМОНДЫ.

Я ѣду въ среброспицной коляскѣ Эсклармонды
По липовой аллеѣ, упавшей на курортъ,
И въ солнышкахъ зеленыхъ лучатъ волособлонды
Зло-спецной Эсклармонды шаплетку-фетротортъ...

Морѣетъ: шинамъ хрустче. Бездумно и безцѣльно.
Двѣ раковины дѣвы впитали океанъ.
Онъ плещется дессертно, — совсѣмъ мускатъ-лю-
нельно, —
Струится въ мозгъ и въ глазы, по человѣчьи
пьянъ...

Взорвись, какъ бомба, солнце! Порвитесь, пѣны
блонды!
Нѣтъ больше океана, умчавшагося въ ту,
Кто носитъ имя моря и солнца — Эсклармонды,
Кто на землѣ любезно мнѣ замѣнилъ мечту!

Екатеринославъ.
1914. Февраль.

БАРБАРИСОВАЯ ПОЭЗА.

Гувернантка-барышня
Вноситъ въ кабинетъ
Въ чашечкахъ фарфоровыхъ
Crème d'épine vinette.

Чашечки неполныя
Дѣвственны на видъ.
Въ золотой печенницѣ
Англійскій бисквитъ.

Въ кабинетѣ общество
Въ девять человѣкъ.
Окна въ садъ растворены,
Въ садъ, гдѣ рѣчи рѣкъ.

На березахъ отсвѣты
Неба. О, капризъ! —
Волны, небо, барышня
Цвѣта „барбарисъ".

И ея сіятельство
Навела лорнетъ
На природу, ставшую
Crème d'épine vinette.

Мыза „Ивановка".
1914. Іюль.

ЦВѢТОКЪ БУКЕТА ДАМЪ.

Въ букетѣ дамъ Амьенскаго beau mond'a
Звучнѣе всѣхъ риѳмуетъ съ резедой
Bronze-oxidé блондинка Эсклармонда,
Цвѣтя бальзаколѣтнею звѣздой.

Она остра, какъ квинтъ-эссенца специй,
Ея бравадамъ нуженъ резонансъ,
Въ любовники беретъ „господъ съ трапецій"
И, такъ сказать, смакуетъ mesalliance...

Условностямъ всегда бросаетъ: „schoking!"
Экстравагантно выпускаетъ лифъ,
Лорнируетъ базарно каждый смокингъ,
Но не во всякомъ смокингѣ *калифъ*...

Какъ устрицу, глотаетъ съ аппетитомъ
Дежурнаго огейзерную дань..
При этомъ всемъ — со вкусомъ носитъ титулъ,
Иной щекѣ даря свою ладонь.

1911. Февраль.

ВЪ БЛЕСТКОЙ ТЬМѢ.

Въ смокингахъ, въ шикъ опроборенные, великосвѣтскіе олухи
Въ княжьей гостиной наструнились, лица свои оглупивъ;
Я улыбнулся натянуто, вспомнилъ сарказмно о порохѣ:
Скуку взорвалъ неожиданно нео-поэзный мотивъ.

Каждая строчка — пощечина. Голосъ мой—сплошь издѣвательство.
Риомы слагаются въ кукиши. Кажетъ языкъ ассонансъ.
Я презираю васъ пламенно, тусклыя Ваши Сіятельства,
И, презирая, расчитываю на міровой резонансъ!

Блесткая аудиторія, блескомъ ты зло отуманена!
Скрытъ отъ тебя, недостойная, будущаго горизонтъ!
Тусклыя Ваши Сіятельства! Во времена Сѣверянина
Слѣдуетъ знать, что за Пушкинымъ были и Блокъ, и Бальмонтъ!

1913.

ВЪ ЛИМУЗИНѢ.

Она вошла въ моторный лимузинъ,
Эскизя страсть въ корректномъ кавалерѣ,
И въ хрупотѣ танцующихъ резинъ
Возстановила голосъ Кавальери.

Кто звалъ ее на лѣстницѣ: „Manon?“
И ножки ей въ прохладномъ вестибюлѣ,
Хотя она и бросила: „mais non!“—
Чьи руки властно мѣхово обули?

Да все же онъ, пустой какъ шантеклеръ,
Проборчатый, офраченный картавецъ,
Желательный для многихъ кавалеръ,
Использованный многими красавецъ.

О, женщина! Зови его въ турнэ,
Бери его, пожалуй, въ булуары...
Но не води съ собою на Массенэ:
Письмо Масснэ... Оно не для гитары!..

1910. Іюль.

НА ОСТРОВАХЪ.

Въ ландо моторномъ, въ ландо шикарномъ
Я проѣзжаю по островамъ,
Пьянѣя встрѣчнымъ лицомъ вульгарнымъ
Среди дамъ просто и „этихъ“ дамъ.

Ахъ, въ каждой „феѣ“ искалъ я фею
Когда-то раньше. Теперь не то.
Но отчего же я огневѣю,
Когда мелькаетъ вблизи манто?

Какъ безотвѣтно! какъ безвопросно!
Какъ гриваэно! но всюду — боль!
Въ аллеяхъ сорно, въ куртинахъ росно,
И въ каждомъ франтѣ живъ Рокамболь.

И что тутъ прелесть? и что тутъ мерзость?
Безстыжъ и скорбенъ ночной пуантъ.
Кому бы бросить наглѣе дерзость?
Кому бы нѣжно поправить бантъ?

1911. Май

ВАЛЕНТИНА.

Валентина, сколько счастья! Валентина, сколько
жути!
Сколько чары! Валентина, отчего же ты грустишь
Это было на концертѣ въ медицинскомъ институтѣ.
Ты сидѣла въ вестибюлѣ за продажею афишъ.

Выскочивъ изъ ландолета, дѣвушками окруженный,
Я стремился на эстраду, но, меня остановивъ,
Предложила мнѣ программу, и, тобой завороженный,
На мгновенье задержался, созерцая твой извивъ.

Ты зашла ко мнѣ въ антрактѣ (не зови его про-
бѣломъ)
Съ тайной розой, съ красной грезой, съ бирюзо-
вою грозой
Глазъ восторженныхъ и наглыхъ. Ты была въ про-
стомъ и бѣломъ,
Говорила очень быстро и казалась стрекозой.

Этотъ день!.. Съ него—начало. Телефоны и от-
крытки.
Къ начинаньямъ поэтессы я былъ очень милосердъ,
И когда уже ты стала кандидаткой въ фаворитки,
Ты меня сопровождала ежедневно на концертъ.

А потомъ... Купэ. Деревня. Много снѣга, лѣса.
Святки.
Замороженныя ночи и крещенская луна.
Домикъ. Нѣжно и уютно. Упоенье безъ оглядки.
Валентина безразсудна! Валентина влюблена!

Все прошло, какъ все проходитъ. И простились
мы неловко:
Я „обманщикъ", ты сердита, т.-е. просто трафаретъ.
Валентина, плутоглазка! остроумная чертовка!
Ты чаруйную поэму превратила въ жалкій бредъ!

1914. Мартъ

ТЕБѢ, МОЯ КРАСАВИЦА!

Аріадниной мамочкѣ.

Вуаль свѣтло-зеленая съ сиреневыми мушками
Была слегка приподнята надъ розовыми ушками,
Вуаль была чуть влажная, она была чуть теплая,
И ты мнѣ улыбалася, красивая и добрая...
Смотрѣла въ очи ласково, смотрѣла въ очи грезово.
Тревожила уснувшее и улыбалась розово.
И я не слышалъ улицы со звонами и гамами,
И сердце откликалося взволнованными гаммами.
Шла ночь, шурша кокетливо и шлейфами и тканями,
Мы бархатною сказкою сердца другъ другу ранили.
Атласныя пожатія... рожденія и гибели...
Отливы... содроганія... круженія и прибыли...
Да развѣ тутъ до улицы со звонами и шумами?!.
Да развѣ тутъ до города съ пытающими думами?!.
Кумирню строилъ въ сердцѣ я, я строилъ въ сердцѣ пагоды...
Ахъ, губки эти алыя и сочныя, какъ ягоды!
Разстались... для чего, спроси... я долго грезилъ въ комнатѣ...

О, глазки въ слезкахъ-капелькахъ, мои глаза вы помните?
Вы помните? вы вѣрите? вы ждете? вы, кудесные!
Онѣ не повторяемы мгновенности чудесныя!..
Я требую настойчиво, приказываю пламенно:
Исчезни все, мнѣ чуждое! исчезни, городъ каменный!
Исчезни все, гнетущее! исчезни, вся вселенная!
Все краткое! все хрупкое! все мелкое! все тлѣнное
А мы, моя красавица, утопимся въ забвеніи,
Очаровавъ порывностью безстрастное мгновеніе!..

1910. Январь

ПОЭЗА О ТЫСЯЧА ПЕРВОМЪ ЗНАКОМСТВѢ.

Лакей и сенъ-бернаръ — ахъ, оба баритоны!—
Встрѣчали насъ въ дверяхъ отвѣтомъ на звонокъ.
Камелiи. Ковры. Гостиной сребротоны.
Два пуфа и диванъ. И шесть безшумныхъ ногъ.

Мы двое къ ней пришли. Она была чужою.
Онъ зналъ ее, но я представленъ въ этотъ разъ.
Мнѣ сдержанный привѣтъ, и сенъ-бернару Джою
Уйти куда-нибудь и не мѣшать — приказъ.

Салонный разговоръ, удобный для аббата,
Для доблестной ханжи и столь же для гетеръ.
И мы уже не мы: Альфредъ и Травiата.
И вотъ уже оркестръ. И вотъ уже партеръ.

Такъ: входимъ въ роли мы совсѣмъ непроизвольно.
Но рѣжетъ сердце мнѣ точеный комплиментъ.
Какъ больно говорить! Какъ нестерпимо больно,
Когда предвидишь вотъ любой, любой моментъ!

Все знаемъ напередъ, и будетъ то, что смято
Когда-то, кѣмъ-то, какъ и гдѣ — не все равно ль?
И въ ужасѣ, въ тоскѣ,— Альфредъ и Травiата,—
Мы шутимъ — *какъ тогда*! — лелѣя нашу боль...

1914. Осень.

ВЪ ОСѢНОКОШЕННОМЪ ІЮЛѢ.

Іюль блестяще осѣнокошенъ.
Ахъ, онъ уходитъ! держи! держи!
Лежу на шелкѣ зеленомъ пашенъ,
Вокругъ — блондинки, косички ржи.

О, небо, небо! твой путь воздушенъ!
О, поле, поле! ты — грезы верфь!
Я онебесенъ! Я опездѣшенъ!
И Богъ мнѣ равенъ, и равенъ червь.

1911. Іюль.
„Дылицы".

РОДНИКЪ.

Восемь лѣтъ эту мѣстность я знаю.
Уходилъ, приходилъ,— но всегда
Въ этой мѣстности бьетъ ледяная
Неисчерпываемая вода.

Полноструйный родникъ, полнозвучный,
Мой родной, мой природный родникъ,
Вновь къ тебѣ (ты не можешь наскучить!)
Неотбрасываемо я приникъ.

И свѣтло мнѣ глаза оросили
Слезы гордаго счастья, и я
Восклицаю: ты—символъ Россіи,
Изнѣдривающаяся струя!

Мыза „Ивановка".
1914. Іюль.

КЪ ЧЕРТѢ ЧЕРТА.

Какою нѣжностью неизъяснимою, какой сердечностью
Освѣтозарено и олазорено лицо твое,
Лицо незримое, отожествленное всечертно съ Вѣчностью,
Твое,— но чье?

Въ вагонѣ поѣзда, на каждой улицѣ и въ сновидѣніи,
Въ театрѣ ль, въ рощѣ ли,— вездѣ приложится къ чертѣ черта,
Неуловимая, но ощутимая,— черта-мгновеніе,
Черта-мечта!

И больно-сладостно, и вешне-радостно! Жить — изумительно
Чудесно все-таки! Ахъ, сразу нѣсколькихъ — *одну* любить!
Невоплощенная! Невоплотимая! тебя плѣнительно
Ждать — это жить!

1914. Ноябрь.

ПОЭЗА СПИЧЕЧНАГО КОРОБКА.

Что это? — спичекъ коробокъ? —
Лучинокъ изъ березъ?
И ты ихъ не замѣтить могъ? —
Вѣдь это жъ грандіозъ!

Бери же, чиркай и грози,
Восторженъ, наглъ и яръ!
Ползетъ огонь на всѣ стези;
Въ твоей рукѣ — пожаръ!

Огонь! огонь, природопапъ,
Высовывай языкъ!
Ликуй, холопъ! Опарься, рабъ!
Ничтожный, ты великъ!

Мыза „Ивановка".
1914. Начало іюля

РОНДО.

Л. Рындиной.

Читать тебѣ себя въ лимонномъ будуарѣ,
Какъ яхту грезъ, его принявъ и полюбя...
Взамѣнъ невѣрныхъ словъ, взамѣнъ шаблонныхъ
арій,
Читать тебѣ себя.

Прочувствовать тебя въ лиловомъ пеньюарѣ,
Дробя грядущее и прошлое, дробя
Второстепенное, и сильнымъ быть въ ударѣ.

Увѣриться, что міръ сосредоточенъ въ парѣ:
Лишь въ насъ съ тобой, лишь въ насъ! И только
для тебя,
И только о тебѣ, вѣнчая взоръ твой парій,
Читать тебѣ себя!

1914. Февраль.

АМАЗОНКА.

Я встрѣтилъ у парка вчера амазонку
Подъ звуки бравурной раздольной мазурки.
— Какъ кукольны формы у синей фигурки!—
Наглѣя восторгомъ, сказалъ я вдогонку.

Она обернулась, она посмотрѣла,
Слегка улыбнулась, раздѣтая взоромъ,
Хлыстомъ помахала лукавымъ узоромъ,
Мнѣ въ сердце вонзила дремучія стрѣлы...

А рыжая лошадь подъ ней гарцовала,
Упрямо топталась на мѣстѣ кобыла
И, право не знаю, — казалось ли, было, —
Въ угоду хозяйкѣ, меня баловала...

1910. Февраль.

BERCEUSE.

(На мотивъ Мирры Лохвицкой).

Ты такъ свѣтла въ клубящемся покровѣ.
Твое лицо — восходный Уроталъ.
Въ твоемъ дремучемъ чернобровьѣ
Мой умъ устало заплуталъ.

Ты вся — мечта коралловыхъ улововъ.
Твои уста — факирская печать.
Въ твоихъ очахъ, въ очахъ лиловыхъ,
Хотѣлъ бы сердце закачать.

А гдѣ-то плачъ и грохоты орудій...
Такъ было встарь, такъ вѣчно будетъ впредь.
Дай погрузиться въ бѣлогрудьи
И упоенно умереть!

1910. Сентябрь.

ЭЛЕКТРАССОНАНСЪ.

Что такое электрассонансъ?
Это — молнія и свѣтлячокъ.
Сонъ и сказка. Гекзаметръ и стансъ.
Мысль и греза. Пила и смычокъ
Равнокровье и злой мезальянсъ.
Тайна ночи и женскій эрачокъ.
Мірозданье — электрассонансъ!

1910. Февраль.

ВЪ ГОСТИНИЦѢ.

Въ большомъ и неуютномъ номерѣ провинціальной гостиницы
Я лежу въ безсонницѣ холодноватыми вечерами.
Жутко мнѣ, жутко, что сердце скорбью навѣки вынется
Изъ своего гнѣздышка — ...разбитое стекло въ рамѣ...

Изъ ресторана доносится то тихая, грустная музыка —
Какая-нибудь затасканная лунная соната,
То такая помпезная, — правда, часто кургузая, —
— ...Лилію оскорбляющее полнокровье граната...

И слышатся въ этой музыкѣ души всѣхъ женщинъ и дѣвушекъ,
Когда-либо въ жизни встрѣтившихся и возможныхъ еще въ пути.
И плачется, безслезно плачется въ номерной тиши кромѣшной
О музыкѣ, о дѣвушкахъ, обо всемъ, что способно цвѣсти...

Симферополь.
1914. Январь.

КУЗИНА ЛИДА.

Лида, ты — беззвучная Липковская. Лида, ты —
хорошенькая дѣвушка.
Стройная, высокая, изящная, ты — сплошная хрупь,
ты вся — улыбь.
Только отчего же ты недолгая? Только отчего
твое во льду ушко?
Только для чего такъ много жемчуга? Милая, скорѣй его разсыпь!

Русая и бѣлая кузиночка, не идутъ тебѣ, повѣрь
мнѣ, ландыши;
Не идутъ тебѣ, повѣрь мнѣ, лиліи, — слишкомъ ты
для бѣлаго — бѣла...
Маки, розы нагло-оскорбительны, а ліаны вьются,
какъ змѣеныши; —
Трудно обуютить лифъ твой дѣвичій, чтобы ты
сама собой была.

...Папоротникъ въ блесткахъ изумрудовыхъ, снѣгъ
фіольно-бѣлый и искренный,
Пихтовыя иглы эластичныя — вотъ тебѣ единственный уборъ,
Дѣвушкѣ со старческой улыбкою, замкнутой, но,
точно солнце, искренней,
Незамѣтно какъ-то умирающей, — какъ по ягоды
идущей въ боръ...

1912. Февраль.

НИКЧЕМНАЯ.

Ты меня совсѣмъ измучила, можетъ-быть—сама не вѣдая;
Можетъ-быть, вполнѣ сознательно; можетъ-быть, перестрадавъ;
Вижусь я съ тобой урывками; развѣ вмѣстѣ пообѣдаю
На главахъ у всѣхъ и каждаго, — и опять тоскаудавъ.

О, безжалостница добрая! ты, штрихующая профили
Мнѣ чужіе, но знакомые, съ носомъ мертвенно-прямымъ!
Цѣломудренную чувственность мы зломозгло объутопили
Чѣмъ-то вѣчно ожидаемымъ и литаврово-нѣмымъ...

Слушай, чуждая мнѣ ближница! обречённая далёчница!
Оскорбить меня хотящая для немыслимыхъ усладъ,
Подавивъ негодованіе, мнѣ въ тебя такъ просто хочется,
Какъ орлу — въ лазурь сіяльную, какъ теченью — въ водопадъ!

Одесса.
1914. Февраль.

ЖУТКАЯ ПОЭЗА.

О, нестерпимо-бо́льныя мѣста,
Гдѣ женщины, утерянныя мною,
Навѣкъ во всемъ: въ дрожаніи листа,
Въ порывѣ травномъ къ солнечному зною,
Въ брусничныхъ и осиновыхъ лѣсахъ,
Во всхлипахъ мха — ихъ жалобные плачи.
Какъ скорбно тамъ скрипѣнье колеса!
Какъ трогательно блеянье телячье!
На сѣверѣ и рощи, и луга,
И лады душъ, и пьяненькія сельца —
Однообразны только для пришельца:
Для сѣверянъ несхожесть ихъ легка.
Когда-нибудь я встрѣчу — это такъ!—
Въ такомъ лѣсу унылую старуху,
И къ моему она приблизитъ уху
Лукавый ротъ. Потомъ за четвертакъ
Разскажетъ мнѣ пророчная шарманка
О ихъ судьбѣ, всѣхъ жертвъ моихъ. Потомъ
Я лѣсъ приму, какъ свой послѣдній домъ...
Ты — смерть моя, случайная цыганка!

Одесса.
1914. Февраль

РОНДО ОРАНЖЕВАГО ЗАКАТА.

Невымученныхъ мукъ, невыстроженныхъ грозъ
Такъ много позади, и тяжекъ сердца стукъ.
Оранжевый закатъ ліанами обросъ
Невыкорченныхъ мукъ.

Оранжевый закатъ! ты мой давнишній другъ,
Какъ лепеты травы, какъ трепеты березъ,
Какъ щебеты мечты... Но вдругъ измѣнишь? вдругъ?

Заплакать бы обжогомъ ржавыхъ слезъ,
Въ нихъ утопить колечки змѣйныхъ скукъ
И ждать, какъ ждетъ подпоѣздникъ—колесъ,
Невысмертившихъ мукъ!

Веймарнъ.
1913. Августъ.

ЕВГЕНІЯ.

Это имя мнѣ было знакомо —
Чуть истлѣвшее пряное имя,
И въ щекочущемъ чувственность дымѣ
Сердце было къ блаженству влекомо.

Какъ волна — броненосцу за пѣну,
Какъ за плѣнъ — бѣгъ свободный потока,
Это имя мнѣ мстило жестоко
За забвенье, позоръ, за измѣну..

Месть швырнула въ лицо мнѣ два кома,
Кома грязи — развратъ и безкрылье.
Я кончаюсь въ неясномъ усильѣ...
Это имя мнѣ жутко знакомо!...

1909.

КОГДА НОЧѢЛО.

Уже ночѣло. Я былъ около
Монастыря. Сквозила просѣка.
Окрестъ отгуживалъ отъ колокола.
Какъ вдругъ собака, въ родѣ мопсика,
Зло и неистово залаяла.
Послышались осѣчки хвороста,
И кто-то голосомъ хозяина
„Тубо!“ пробаритонилъ просто.
Лѣсъ завѣтрѣлъ и вновь отгуживалъ
Глухую всенощную, охая.
Мнѣ стало жутко, стало нужно
Людей, ихъ слова. Очень плохо я
Себя почувствовалъ. Оглушенный,
Напуганный, я сѣлъ у озера.
Мнѣ оставалось верстъ одиннадцать.
Рѣшительность меня вдругъ бросила,—
Отъ страха я не могъ подвинуться...

„Дылицы“.
1911. Іюль.

ПЯТИЦВѢТЪ I.

Заберусь на разсвѣтѣ на серебряный кедръ
Любоваться оттуда на маневры эскадръ.
Солнце, утро и море! Какъ я весело-бодръ,
Точно воздухъ—бездуменъ, точно мумія—мудръ.
Кто прославленъ орлами—ахъ, тому не до выдръ!..

1910. Сентябрь.

РЕГИНА.

Когда поблекнуть георгины
Подъ ало-желчный лѣсосонъ,
Идите къ домику Регины
Во всѣ концы, со всѣхъ сторонъ.

Идите къ домику Регины
По всѣмъ дорогамъ и тропамъ,
Бросайте на пути рябины,
Дабы назадъ вернуться вамъ.

Бросайте на пути рябины:
Всѣ ваши скрестятся пути,
И вамъ, искателямъ Регины
Назадъ дороги не найти.

1913. Лѣто.
Веймарнъ.

ЛИРОБАСНЯ.

Бѣло лиловѣетъ шорохъ колокольчій —
Веселится лѣтовѣтръ;
Мы проходимъ полемъ, мило полумолча.
На твоей головкѣ — фетръ,
А на тѣлѣ шелкъ зеленый, и — босая.
Обрываешь тихо листикъ и, бросая
Мелкіе кусочки,
Смѣешься, осолнечивъ лобъ.
...Стада голубыхъ антилопъ
Покрыли травы, покрыли кочки...
Но дьякопья падчерица,
Изгибаясь, какъ ящерица,
Нарушаетъ иллюзію...
Какое беззаконье!
— Если хочешь въ Андалузію,
Не ѣзди въ Пошехонье...

Улыбаясь, мы идемъ на рельсы;
Телеграфная проволока
Загудѣла;
Грозовѣетъ облако, —
Къ бурѣ дѣло.

Попробуй тутъ, разсвирѣлься!.

1911.

НА ПРЕМЬЕРѢ.

Овѣевъ желаніе грезовымъ парусомъ,
Сверкая устовымъ колье,
Графиня ударила вѣеромъ страусовымъ
Опѣшеннаго шевалье.

Оркестромелодія рѣяла розово
Надъ бѣлобархатомъ фойэ.
Графиня съ граціей стрекозовой
Кусала шоколадъ-кайэ.

Сновала разсѣянно блесткая публика
Изъ декольтэ и фрачныхъ фаллъ.
А завтра въ рецензіи свѣтскою рубрикой
Отмѣтится шикарный гвалтъ.

1911.

ДИССО-РОНДО.

Ожили снова желанья...
Воспоминаній папирусъ
Снова вѣтрѣетъ, какъ парусъ,
И въ бирюзѣ умиленья
Призракъ сліянія выросъ.

Блекло-сафировый ирисъ
Вяло поетъ новолунье,
Льется душа снова черезъ, —
Снова желанья.

Мысли, какъ сонъ, испарились
Въ прямости жизненныхъ линій;
Долго со Зломъ мы боролись,
Отдыхъ найдемъ въ Аполлонѣ.
Снова сердца разгорѣлись,
Снова желанья!

1911. Февраль.

ТѢНЬ АПЕЛЬСИННОЙ ВѢТКИ.

Изъ Тинъ Тунъ-Лингъ.

Одиночила въ комнатѣ дѣвушка.
Взволновали ее звуки флейты, —
Голосъ юноши въ нихъ... Голосъ, чей ты?
О, застынь въ напряженной мечтѣ, ушко!

Чья-то тѣнь на колѣни къ ней падаетъ, —
Изъ окна апельсинная вѣтка.
„Разорвалъ кто-то платье мнѣ мѣтко“,
Грезитъ дѣвушка съ тайной отрадою...

Веймарнъ, мыза „Пустомержа“,
1912, Августъ.

ШАНТАЖИСТКА.

Такъ Вы изволите надѣяться, что Вамъ меня
удастся встрѣтить,
Ужъ если не въ гостиной шелковой, такъ въ
жесткой камерѣ судьи?
Какая все же Вы наивная! Считаю долгомъ Вамъ
замѣтить:
Боюсь, Вы дѣло проиграете, и что же ждетъ Васъ
впереди?..

Конечно, съ Вашею энергіей, Вы за инстанціей
инстанцію:
Съѣздъ мировой, затѣмъ судъ округа, потомъ па-
лата и сенатъ.
Но только знаете, любезная, не лучше ль съѣздить
Вамъ на станцію,
И тамъ купить билетъ до Гатчины, спросивъ въ
буфетѣ лимонадъ.

Онъ охладитъ Вашъ гнѣвъ тропическій, и Вы, войдя
въ вагонъ упруго,
Быть можетъ, проведете весело въ дорогѣ слѣду-
емый часъ.
И, можетъ быть, среди чиновниковъ Вы повстрѣ-
чаете экс-друга,
Который — будемъ же надѣяться! — не поколотитъ
вовсе Васъ!

Пріѣхавъ къ мѣсту назначенія, Вы съ нимъ отправитесь въ гостиницу.
Онъ, послѣ шнитцеля съ анчоусомъ, Вамъ дастъ... Малагу-Аликантъ!
Вамъ будетъ весело и радостно, Вы будете, какъ именинница,
Ахъ, при умѣньи можно выявить и въ проституціи талантъ!..

Зачѣмъ же мнѣ Вы угрожаете и обѣщаете отместки?
Зачѣмъ такъ нагло Вы хватаетесь за правосудія набатъ?
Такъ не надѣйтесь же, сударыня, что я послушаюсь повѣстки
И денегъ дамъ на пропитаніе двоякосмысленныхъ ребятъ!

1912. Ноябрь.

ШАНСОНЕТКА ГОРНИЧНОЙ.

Я — прислуга со всѣми удобствами —
Получаю пятнадцать рублей,
Не ворую, не пью и не злобствую
И самой инженерши честнѣй.

Дѣло въ томъ, что жена инженерская
Норовитъ обсчитать муженька.
Я надъ нею труню (я, вѣдь, дерзкая!)
И словесно даю ей пинка.

Но со мною она хладнокровная, —
Сквозь пять пальцевъ глядитъ на меня:
Я ношу бильедушки любовныя
Отъ нея, а потомъ — для нея.

Что касается мужа господскаго —
Очень добръ господинъ инженеръ...
„Не люблю, — говоритъ, — ультра-скотскаго
Вотъ, супруги своей — напримѣръ“...

Ужъ не знаю... . . . . .
. . . . . Но ты мнѣ нужна.
Въ результатахъ мы скоро поладили, —
Вотъ ужъ мѣсяцъ, какъ мужъ и жена.

Получаю конфекты, матеріи
И филипповскіе пирожки,
И — на зависть кухаркѣ Гликеріи,
Господина Надсона стишки.

Я давно разсчитала и взвѣсила,
Что удобная должность, ей-ей:
Тутъ и сытно, и сладко, и весело,
Да вдобавокъ пятнадцать рублей!

Веймарнъ.
1913. Іюль.

ОЗЕРОВАЯ БАЛЛАДА.

Св. кн. О. Ѳ. Имеретинской.

На искусственномъ островѣ крутобрегаго озера
Кто видалъ замокъ съ башнями? кто къ нему подплывалъ?
Или позднею осенью, только гладь подморозило,
Кто спѣшилъ къ нему вѣтрово, трепеща за провалъ?

Кто, къ окну приникающій, созерцанія пестраго
Не выдерживалъ разумомъ — и смѣялся навзрыдъ?
Чей скелетъ содрогается въ башнѣ мертваго острова,
И подъ замкомъ запущеннымъ кто, прекрасный, зарытъ?

Кто насмѣшливо каялся? кто возмездія требовалъ?
Превратился кто въ филина? кто — въ летучую мышь?
Полно, полно, то было ли? можетъ быть, вовсе не было?..
..Завуалилось озеро, зашептался камышъ.

1910. Іюнь.

ИЗДѢВАТЕЛЬСТВО.

Какъ блёкло ткалъ лиловый колокольчикъ
Линялую отъ луны звукоткань!
Надъ нимъ лунѣлъ вуалевый эольчикъ
И, камешки кидая въ воду: „кань“,
Чуть шепоталъ устами, какъ коральчикъ...
Онъ былъ оно: ни дѣвочка, ни мальчикъ.

На озерѣ дрожалъ электроботъ.
Всѣ слушали поэта-экстазэра
И въ луноснѣ тонули отъ заботъ.
Но призраками Сѣраго Мизэра
Шарахнулся пугающій набатъ, —
И въ отблескахъ пылающаго замка
Умолкъ поэтъ, какъ жалкій акробатъ...

— Царица Жизнь воспитана, какъ хамка!

1911. Мартъ.

НА ГОЛОСЪ ВЕСЕННЕЙ НОВЕЛЛЫ.

Обстругавъ ножомъ ольховый прутикъ,
Сдѣлавъ изъ него свистящій хлыстикъ,
Королева встала на распутьи
Двухъ аллей. И въ дѣвственномъ батистѣ
Бѣлолильной феей замерла.
Вотъ пошла къ избушкѣ столяра,
Гдѣ лежали дѣти въ скарлатинѣ,
Гдѣ всегда отточенный рубанокъ
Для гробовъ, для мебели, для санокъ.
Вотъ и прудъ, олуненъ и отиненъ,
Вотъ и домъ, огрустенъ и отьмёнъ.
— Кто стучитъ? — спросилъ столяръ Семенъ.
„Королева"... шепчетъ королева.
Прохрипѣли рыжіе засовы.
Закричали въ отдаленьи совы.
Вспомнилась весенняя новелла:
Въ ясеняхъ отданье столяру.
Онъ впустилъ. Взглянула — какъ стрѣлу,
Прямо въ глазъ любовника метнула.
И пошла къ отряпенной кроваткѣ.
Смерть и Жизнь надъ ней бросали ставки.
Было душно, холодно и лунно.
Столяриха билась на полу
И кричала: „дайте мнѣ пилу!"

1911. Ноябрь.

ЭСКИЗЕТКА.

Соны качеля, бѣлесо ночѣло.
Лѣсъ печалѣлъ въ бѣлоснѣ.
Тюли эоля качала Марчелла:
— Грустно весенне усни! —
Точно ребенка, Марчелла качала
Грезы, меня и весну.
Вотъ пробезшумѣла тамъ одичало
Глуше затишія мышь.
Крылья дымѣли, какъ саванъ истлѣвшій.
— Сердце! тебя не поймешь,
Ледъ запылавшій!

1911. Мартъ.

ЭГО-РОНДОЛА.

Я — поэтъ: я хочу въ бирюзовыя очи лиліи бѣлой
Ея сердце запѣло... Ея сердце крылато... Но
Стебель есть у нея. Перерублю, и...
Бѣлый лебедь раскрылъ бирюзовыя очи. Очи лиліи
Лебедь раскрылъ. Его сердце запѣло. Его сердце
Крылато! Лебедь рвется въ эѳиръ къ облакамъ —
Къ бѣлымъ лиліямъ неба, къ лебедямъ небесъ!
Небесная бирюза — очи облакъ. Небо запѣло!.. Небо
Крылато!.. Небо хочетъ въ меня: я — поэтъ!

1912.

ПРОМЕЛЬКЪ.

Ив. Лукашу.

Голубые голуби на просторной палубѣ.
А дождинки капали,— голуби ихъ пòпили.
На просторной палубѣ голубые голуби
Всѣ дождинки пòпили, а дождинки капали.

1911.

ПЯТИЦВѢТЪ II.

Въ двадцать лѣтъ онъ такъ нашустрилъ:
Проститутокъ всѣхъ осёстрилъ,
Астры звѣздилъ, звѣзды астрилъ,
Погреба перереестрилъ.
Оставалось только — выстрѣлъ.

1911.

ВЪ РЕСТОРАНѢ.

Граалю Арельскому.

Воробьи на дорожкѣ шустрятся.
Зеленѣютъ кудри кротекуса.
Привезли изъ Остэндэ устрицы
И стерлядей изъ Череповца.
— Послушайте, вы, съ салфеткою,
Накройте мнѣ столъ подъ липою;
И еще я вамъ посовѣтую
Не стоять каменной глыбою,
А угостить меня рыбою,
Артишоками и спаржей.
Вы поняли? — „Помилуйте, даже
Очень
И буду точенъ“.

1911. Май.

ОТЧАЯНІЕ.

Я, разлоконивъ волосы русые,
Ухватила Петьку за ушко,
Въ него шепнула: „тебя я скусаю“...
И выпила бокалъ Клико.

Успокоивъ его, благоматнаго,
Я дала ему морковки и чайку
И, закричавши: „Всего пріятнаго!“
Махнула серпой по лужку.

Мужъ пріѣхалъ съ послѣднимъ автобусомъ—
Будничный, потертый манекенъ...
Я застонала, и передъ образомъ
Молила участи Карменъ!..

1912. Май.

ПОЭЗА О „MIGNON“.

Не опоздайте къ увертюрѣ:
Сегодня вѣдь „Mignon“ сама!
Какъ чаровательны, Тома,
Твои лазоревыя бури!

„Mignon“!.. она со мной вездѣ:
И въ блѣднопалевыхъ гостиныхъ,
И на форелевыхъ стремнинахъ,
И въ сновидѣньяхъ, и въ трудѣ.

Ищу ли женщину, съ тоской
Смотрюсь ли въ давнее былое,
Кляну ль позорное и злое, —
„Mignon“!... она вездѣ со мной!

И если мыслю и живу,
Молясь безъ-устали Мадоннѣ,
То лишь благодаря „Миньонѣ“ —
Грезовидѣнью на-яву...

Но ты едва ли виноватъ,
Ея безчисленный хулитель:
Нѣтъ, не твоя она обитель...
О, Арнольдсонъ! о, Боронатъ!

1914. Октябрь.

БЛАЖЕННЫЙ ГРИША.

Когда проѣзжаетъ конница
Мимо дома съ красною крышей,
Въ кухнѣ дребезжитъ иконница,
Сколоченная блаженнымъ Гришей...

И тогда я его мучаю
Насмѣшкою надъ дребезжаньемъ...
Убѣгаетъ. И надъ гремучею
Рѣчкою льетъ рыданья.

И хотя по благочестію
Нѣтъ равнаго ему въ городѣ,
Онъ злится, хочетъ мести,
Мгновенно себя очортивъ...

1912. Мартъ.

ПРЕДОСТЕРЕГАЮЩАЯ ПОЭЗА.

Художники, бойтесь „мѣщанокъ“:
Онѣ обевдарятъ вашъ даръ
Своею врожденною сонью,
Своимъ организмомъ шарманокъ;
Онѣ запесочатъ пожаръ
Въ душѣ, гдѣ законъ — Беззаконье

Страшитесь и дѣвъ апатичныхъ,
Съ улыбкой безлучно-стальной,
Съ лицомъ, постояннымъ, какъ мраморъ:
Ихъ лики, изъ псевдо-античныхъ,
Душѣ вашей бально-больной
Грозятъ безпросыпнымъ кошмаромъ.

Онѣ не прощаютъ ошибокъ,
Онѣ презираютъ порывъ,
Считаютъ его неприличьемъ,
„Явленьемъ дурного пошиба“...
А геній — въ глазахъ ихъ — нарывъ,
Наполненный гнойнымъ величьемъ!...

1912. Іюль.
Веймарнъ.

CHANSONNETTE.

Изящная средняго роста
Съ головкою bronze-oxidé,
Она — воплощеніе тоста,
Mais non, regardez, regardez!

Пикантная, средняго роста,
Она — героиня Додэ.
Поклонниковъ много, — ихъ до ста.
Mais non, regardez, regardez!

Но женщина средняго роста
Бываетъ *высокой* en deux...
И надо сознаться, что просто... —
Mais non, regardez, regardez!

1909. Ноябрь.

ОНА КРИТИКУЕТЪ...

– Нѣтъ, положительно искусство измельчало,
Не смѣйте спорить, графъ, упрямый человѣкъ!
По пунктамъ разберемъ, и съ самаго начала;
Начнемъ съ поэзіи: она полна калѣкъ.
Хотя бы Фофановъ: пропойца и бродяга,
А критика ему дала поэта роль...
Поэтъ! хорошъ поэтъ!.. ходячая малага!..
И въ жилахъ у него не кровь, а алкоголь.
Какъ вы сказали, графъ? до пьянства нѣтъ намъ дѣла?
И что критиковать мы можемъ только трудъ?
Такъ знайте жъ, книгъ его я даже не смотрѣла:
Не интересно мнѣ!.. тѣмъ болѣе, что тутъ
Наврядъ ли вы нашли бъ занятные сюжеты,
Изысканныхъ людей привычки, нравы, вкусъ,
Блестящіе балы, алмазы, эполеты, —
О, я убѣждена, что пишетъ онъ „en russe".
Естественно, что намъ, взрощеннымъ на Шекспирѣ,
Аристократамъ мысли, чувства и идей,
Неинтересенъ онъ, брящающій на лирѣ
Руками пьяными, безвольный рабъ страстей.
Ахъ, да не спорьте вы! поэзіей кабацкой
Не увлекусь я, графъ, нѣтъ, тысячу разъ „нѣтъ"

Талантливымъ не можетъ быть поэтъ
Съ фамиліей — pardon! — такой... дурацкой.
И какъ одѣтъ! Mon Dieu! Онъ прямо хулиганъ!..
Вчера мы съ Полемъ ѣхали по парку,
Плетется онъ навстрѣчу, — грязенъ, пьянъ;
Кого же воспоетъ такой мужланъ?.. кухарку?!.
Смазные сапоги, оборванный тулупъ,
Какая-то ужасная папаха.
Самъ говоритъ съ собой... взглядъ страшенъ, наглъ
и тупъ...
Повѣрите? — я чуть не умерла отъ страха.
Не говорите мнѣ: „онъ пьетъ отъ неудачъ"!
Мнѣ, право, дѣла нѣтъ до истинной причины.
И если плачетъ онъ, смѣшонъ мнѣ этотъ плачъ:
Сантиментальничать ли созданъ мужчина
Безъ положенья въ обществѣ, безъ чина?!

1908.

II.

НЕЗАБУДКИ НА КАНАВКАХЪ.

Стихи „давно минувшихъ лѣтъ“, двадцатью четырьмя поэзами дополненные.

NOCTURNE.

Мѣсяцъ гладитъ камыши
Сквозь сирени шалаши...
Все — душа, и ни души.

Все — мечта, все — божество,
Вѣчной тайны волшебство,
Вѣчной жизни торжество.

Лѣсъ — какъ сказочный камышъ,
А камышъ, какъ лѣсъ-малышъ.
Тишь — какъ жизнь, и жизнь — какъ тишь.

Колыхается туманъ —
Какъ мечты моей обманъ,
Какъ минувшаго романъ...

Какъ душиста, хороша
Бѣлыхъ яблонь пороша...
Ни души, — и все душа!

1908. Декабрь.

ТОСКА ПО КВАНТУНУ.

О, греза дивная, мнѣ сердца не тирань! —
Воспоминанія о прожитомъ такъ живы.
Я на Квантунъ хочу, въ мой милый Да — Лянь Вань
На воды желтыя Корейскаго залива.

Я въ шлюпкѣ жизненной разбился о бурунъ,
И сердце чувствуетъ развязку роковую...
Я по тебѣ грушу, унылый мой Квантунъ,
И, Море Желтое, я по тебѣ тоскую!..

1904.
Петербургъ.

ЗАПАДЪ ПОГАСЪ...

Западъ,
Погасъ...
Роса
Поддалась...
Тихо
Въ поляхъ...
Ива —
Голякъ...
Вѣтрится
Кустъ...
Зебрится
Хрустъ...
Ломокъ
Ледокъ...
Громокъ
Гудокъ...
Во мглѣ
Полотно
И склепа
Пятно...

1910. Октябрь.

ТРІОЛЕТЪ.

Въ протяжныхъ стонахъ самовара
Я слышалъ стонъ ея души.
Что было скрыто въ пѣснѣ пара —
Въ протяжныхъ стонахъ самовара?
Вѣнчалась ли она въ глуши,
Иль умирала дочь Тамара?
Какъ знать! Но въ вопляхъ самовара
Я слышалъ вопль ея души.

1909. Іюль.
Мыза „Ивановка".

МОРСКОЙ НАБРОСОКЪ.

Е. А. Л.

Тому назадъ всего два года
На этомъ самомъ берегу
Два сердца, въ страсти безъ исхода,
Дрожали, затаивъ тоску, —
Два женскихъ сердца... Этой дрожью
Трепещетъ берегъ до сихъ поръ.

... Я прихожу подъять свой взоръ
На море, и у горъ подножья
Послушать благостную дрожь,
Потосковать душой пустынной
Вновь о винѣ своей невинной,
Гдѣ правду скрашивала ложь...

1912. Августъ.
Эстляндія, Іеве, Тойла.

ГРАЦІОЗА.

Дмитрію Крючкову.

Я нѣжно хотѣлъ бы уснуть,
Уснуть, — не проснуться...
Далёко-далёко уйти,
Уйти, — не вернуться...

Хотѣлъ бы ее цѣловать,
Почти не цѣлуя:
Словами, вѣдь, грубо сказать,
Какъ тонко люблю я...

Ни страсти хочу, ни огня,
А боли сліянья,
Чтобъ тѣломъ къ ней въ тѣло войти,
Войти для страданья...

Хочу я не тѣла ея,
Но лишь черезъ тѣло
Прочувствовать душу могу
Всецѣло...

1911. Октябрь.

PRELUDE II.

Мои стихи — туманный сонъ.
Онъ оставляетъ впечатлѣніе...
Пусть даже мнѣ неясенъ онъ, —
Онъ пробуждаетъ вдохновеніе...

О, люди, дѣти мелкихъ смутъ,
Вашъ богъ — дѣйствительность угрюмая.
Пусть сна поэта не поймутъ, —
Его почувствуютъ, не думая...

1909.

ГДѢ ПРИ ВЗДОХѢ ВѢТЕРКА ПОЕТЪ ФАРФОРЪ...

Манчжурскій эскизъ.

Тамъ, гдѣ нѣжно колокольчики звенятъ,
И при вздохѣ вѣтерка поетъ фарфоръ,
Ѣду я, восторгомъ искреннимъ объятъ,
Между бархатныхъ полей и рѣзкихъ горъ.

Ѣду полемъ. Тамъ китайцы сѣютъ рисъ;
Трудолюбьемъ дышатъ лица. Небеса
Ярко сини. Поѣздъ съ горки сходитъ внизъ.
Провожаютъ насъ раскосые глаза.

Деревушка. Изъ сырца вокругъ стѣна.
Тамъ, за ней, фанзы приземисты, низки.
Жизнь скромна, тиха, убога, но ясна —
Безъ тумана русской будничной тоски.

Пасть раскрылъ свою, на насъ смотря, драконъ,
Что изъ красной глины слѣпленъ на фанзѣ.
Я смѣюсь: мнѣ грозный видъ его смѣшонъ.
Сѣло солнце, спитъ трава въ сырой росѣ.

1905.

ЭСКИЗЪ.

Клубится дымъ при солнцѣ зимнемъ,
Несется въ дебри паровозъ;
Причудливъ онъ въ хитонѣ дымномъ,
Въ хитонѣ, смутномъ какъ хаосъ.

Снѣгъ лиловатаго оттѣнка
Пылитъ подъ небомъ голубымъ.
Вдали темнѣетъ лѣса стѣнка,
А дымъ — какъ снѣгъ, и снѣгъ—какъ дымъ.

1908. Декабрь.
Лигово. Вагонъ.

ТРАУРНАЯ ЭЛЕГІЯ.

Умирала лилія лѣсная...

К. Фофановъ.

Умерла она въ пору августа,
Когда зелень травъ и дубравъ густа,
Когда въ воздухѣ вкусъ малиновый,
Когда ночь дрожитъ въ тьмѣ осиновой.
Умерла она, ясно вѣдая,
Что такое смерть, храбро слѣдуя
За давнишними пожеланьями
Молодой уснуть, съ колебаньями
Незнакомая... И правдивая,
И невинная, и красивая!..
Умерла она, сдѣлавъ грустно намъ...
Къ ней путемъ идемъ, болью устланнымъ,
На могилу къ ней, одинокую,
Какъ она была, на далекую...
Тамъ помолимся о душѣ ея:
— Да прославится имя твое!

1909. Іюнь.

ЦАРИЦА ИЗЪ ЦАРИЦЪ.

Въ моей душѣ — твоихъ строфа устъ,
И отъ строфы безплотныхъ устъ
Преображаюсь, словно Фаустъ, —
И звукъ любви уже не пустъ.

Какъ въ Маргариту юный Зибель —
Въ твой стихъ влюбленъ я безъ границъ,
Но ждать его не можетъ гибель:
Вѣдь ты — царица изъ царицъ!

1908. Ноябрь.

ОТТОГО И ЛЮБЛЮ.

Я люблю сердечно, безразсудно,
Безотчетно всю, какъ есть, тебя!
Но за что люблю, я знаю смутно,
А вѣрнѣй — совсѣмъ не знаю я.

Какъ тебя цѣлую! какъ милую!
Ты со мной — смѣюсь, а нѣтъ — грущу. .
Оттого тебя вѣдь и люблю я,
Что любви причины не ищу!..

1907.

ВЕРНУТЬ ЛЮБОВЬ.

...То ненависть пытается любить,
Или любовь хотѣла бъ ненавидѣть?..
Минувшее я жажду возвратить,
Но, возвративъ, боюсь его обидѣть,
Боюсь его возвратомъ оскорбить.

Святыни нѣтъ для сердца святотатца,
Какъ доброты у смерти... Заклейменъ
Я совѣстью, и мнѣ ли зла бояться,
Поправшему любви своей законъ!

Но грѣшники — безгрѣшны покаяньемъ,
Вернуть любовь — прощеніе вернуть.
Но какъ боюсь я сердце обмануть
Своимъ туманно-призрачнымъ желаньемъ:

Не месть ли то? не зависть ли? сгубить
Себя легко, и свѣтъ небесъ не видѣть...
Что жъ это: зло старается любить,
Или любовь мечтаетъ ненавидѣть?..

1908.

БУКЕТЪ ЗАБВЕНЬЯ.

Я погружу въ букетъ душистый
Лицо и душу погружу.
И лѣсъ рѣсницъ твоихъ пушистый,
Пушистый лѣсъ воображу.

Я озарялъ его, сжигая
Довѣрья хрупкіе костры...
О, дорогая-дорогая
Съ душой любовницы-сестры!

Но то ушло, пришло другое...
Того, что было, не спасти...
О, дорогое-дорогое,
Мое далекое, прости!

Прости и ты, мой ангелъ чистый,
Краса и гордость бытія!
Бросаю жизнь въ букетъ душистый,
И захлебнусь въ букетѣ я!

1910. Май.
Мыза „Ивановка".

BERCEUSE ТОМЛЕНІЯ.

Я люблю тебя нѣжнѣе
Бѣлой лиліи,
Я пою тебя волшебнѣй
Сказокъ фей.
Я беру тебя въ аллеѣ
Весь — воскрыліе,
Въ поэтическомъ молебнѣ
Чародѣй.

Къ груди грудь, во взоры взоры!
Вешней лѣни я
Не осилю — ахъ, нѣтъ мочи, —
Я въ плѣну.
Мнѣ мерещатся озера
Изъ томленія.
Въ нихъ все глубже, все жесточе
Я тону.

1913. Май.
Веймарнъ.

МЕЛЬНИЦА И БАРЫШНЯ.

Постарѣла труженица-мельница
На горѣ стоитъ, какъ богодѣльница;
Подъ горою барышня-бездѣльница
Цѣлый день заводитъ граммофонъ
На балконѣ дачи; скучно барышнѣ:
Надоѣлъ въ саду густой боярышникъ,
А въ гостиной бронза и плафонъ.
Я смотрю, вооруженный... лупою:
Граммофонъ трубой своею глупою
Голоситъ, вульгаря и хрипя,
Что-то нудно-пошлое, а дачница,
Въ чемъ другомъ, но въ пошлости удачница,
Ерзаетъ на стулѣ, имъ скрипя...
Крылья дряхлой мельницы поломаны,
Но дрожатъ, въ обидѣ, внемля гомону
Механизма, прочнаго до ужаса,
И пластинкамъ, точнымъ до тоски...
Вѣтра ждетъ заброшенная мельница,
Чтобъ рвануться съ мѣста и, обрушася,
Раздавить ту дачу, гдѣ бездѣльница
Съ нервами березовой доски...

Отъ жары и «музыки» ударъ меня,
Я боюсь, вдругъ хватитъ, и — увы!..
Уваженье къ мельницѣ, сударыня,
Здѣсь она хозяйка, а не вы!

1911. Лѣто.
„Дылицы“.

МИНЬОНЕТЫ.

I.

Да, я хочу твоихъ желаній,
Да, я люблю твое „люблю“!
Но мы уйдемъ туда, гдѣ—лани,
Уйдемъ: здѣсь больно, я скорблю.
Лишь тамъ тебѣ, моей Свѣтланѣ,
Я разскажу, я распою,
Какъ я хочу твоихъ желаній,
Какъ я люблю твое „люблю“!

II.

Ловлю печаль въ твоей улыбкѣ
И тайный смѣхъ въ твоихъ слезахъ..
Твои глаза блестятъ, какъ рыбки,
Но сердце—въ смутныхъ голосахъ.
Ты въ заблужденьи, ты въ ошибкѣ!
Топлю глаза въ твоихъ глазахъ, —
И снова—смѣхъ въ твоей улыбкѣ,
И снова—грусть въ твоихъ слезахъ!

1910. Мартъ.

ОДИНЪ БЫ ЛЕПЕСТОКЪ!..

Мнѣ тайно вѣрится, что ты ко мнѣ придешь,
Старушка дѣвушка, согбенная въ позорѣ
И, взоромъ бархатя затепленныя зори,
Мнѣ тайно вѣрится — ты бодро расцвѣтешь.

Мнѣ тайно вѣрится — ты все еще грустишь
О томъ, что сказано, о томъ, что не успѣто...
О, разберись въ пыли истлѣвшаго букета:
Одинъ бы лепестокъ! — и ты меня простишь,
Мнѣ свято вѣрится!..

1910. Февраль.

ЧЬИ ГРЕЗЫ?..

Я пить люблю, пить много, вкусно,
Сливаясь пламенно съ виномъ.
Но размышляю объ одномъ
И не могу рѣшить искусно.

Да, мудрено рѣшить мнѣ это
(И въ этомъ вся моя вина!):
Поэтъ ли хочетъ грезъ вина,
Вино ли проситъ грезъ поэта?

1909.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ.

(Арія Лотаріо.)

Спи-усни, дитя-Миньона,
Улыбаяся шутя...
Спи-усни безъ слёзъ, безъ стона,
Утомленное дитя.

Замокъ спитъ, и спятъ озера,
Позабудь скитаній дни,
Съ голубой надеждой взора
Незабудкою усни.

Сердце, знавшее уроны,
Зачаруй въ уютномъ снѣ,—
И растаетъ грусть Миньоны,
Какъ снѣжинка по веснѣ.

1908. Ноябрь.

МАДРИГАЛЪ.

Ал. Ал. Наумовой.

Часто вы мнѣ грезитесь фіалкой —
Этимъ нѣжнымъ, ласковымъ цвѣткомъ;
Иногда — таинственной русалкой,
Воплощенной грезящимъ умомъ.
Иногда — принцессой кроткой, хрупкой,
Милосердной даже къ комару;
И всегда — свободною голубкой,
Въ высь летящей къ правдѣ и добру!

1907.

ПОВСЕМѢСТНАЯ.

Ея глаза, глаза газели,
Синѣютъ въ усикахъ рѣсницъ.
Она опуститъ очи ницъ,
И щеки вдругъ зарозовѣли.

Въ устахъ змѣящійся укусъ
Лицо мѣняетъ безпрестанно.
И волосы, длиннѣе стана,
Немного приторны на вкусъ.

Безкрылой похоти раба,
Она приниженно кичлива.
Эскизъ готовъ. Пошлорѣчива
Моей натурщицы судьба.

1911. Іюнь.
Елисаветино.

ПО ВОСЕМЬ СТРОКЪ.

I.

Вы стоите на палубѣ за зеркальною рубкою
И грызете, какъ бѣлочка, черносливную косточку...
Вы — такая изящная и такая вы хрупкая.
Вы похожи на дѣвочку и немного на ласточку...
Улыбаются весело два матроса у румпела,
Капитанъ донжуанствуетъ, вамъ стихи декламируя
О таинственномъ крейсерѣ, о голубкѣ подъ куполомъ,
То чаруя Морэллою, то Дарьяльской Тамарою...

1910.

II.

Карменситѣ.

Въ тебѣ столько нѣжности тихой,
Но, время бездумно влача,
Ты скрыла ее подъ шумихой
Такого жъ бездумнаго дня.
Но въ каждомъ движеньи плеча
И въ склонѣ твоемъ надъ гречихой —
Въ тебѣ столько нѣжности тихой...
О, если бъ она для меня!

1910.
Саблино.

III.

Я приду къ тебѣ, еврейка,
Въ звѣздномъ плескѣ сонныхъ струй.
Отворяй-ка поскорѣй-ка,
Отвори и не горюй!
За любовь плати любовью,
За измѣну отомсти:
По холмистому горбовью
Трупъ мой въ озеро спусти...

1910.

РОНДЕЛЬ.

Отъ Солнца я веду свой древній родъ

Мирра Лохвицкая.

„Отъ Солнца я веду свой родъ!“
Сказала доблестная Саба.
Въ краю банана, змѣй и краба
Жилъ впечатлительный народъ.
Царь словъ обратно не беретъ,
Когда звучатъ слова не слабо...
„Отъ солнца я веду свой родъ!“
Сказала доблестная Саба.
Всегда вѣнецъ! всегда впередъ!—
Вотъ лозунгъ знойнаго араба.
Но въ небѣ грянула гроза бы,
Когда бы смѣлъ воскликнуть „кротъ“:
— Отъ Солнца я веду свой родъ!

1911.

ПОЛУСОНЕТЪ.

Твои горячіе кораллы
Коснулись блѣднаго чела,
Какъ сладострастная пчела,—
И вотъ въ душѣ звучатъ хораллы.
Моя тоска меня карала,
И я не пѣлъ, и пѣть не могъ.
Но ты сняла съ души забрало
И съ пѣсни рыцарской — замокъ.

Безъ жизни жизнь и сонъ безъ сна
Теперь окончены. Весна
Моей любви поетъ и трелитъ...

Спѣши вдыхать весны цвѣтокъ,
Спѣши! И радости потокъ
Насъ захлестнетъ, но не раздѣлитъ!

1909.

ВАНДА.

Октавы.

Посв. В. В. Уварову-Надину.

I.

Грустила ночь. При чахломъ свѣтѣ лампы
Мечтала Ванда, кутаясь въ печаль;
Ей грезился дурманъ блестящей рампы,
Ей звуковъ захотѣлось,— и рояль
Ее дразнилъ прелюдіей изъ „Цампы".
Она встаетъ, отбрасывая шаль,
И медленно подходитъ къ піанино
Будить его отъ грезящаго сплина.

2.

А ночь глядитъ въ растворенную дверь,
Вся трепеща и прислонясь къ верандѣ...
Какъ дѣвушка взволнована теперь!
Какъ дышитъ ночь душисто въ душу Вандѣ!
Мотивъ живитъ... И если бъ *вѣчный* звѣрь
Его услышалъ, если бъ звѣрской бандѣ
Онъ прозвучалъ,— растроганное зло,
Хотя бъ на мигъ, любовью мысль зажгло.

3.

...О, чаровница-музыка, тебѣ
Крылю восторгъ, пылаю ѳиміамы!
О власти мысль внушаешь ты рабѣ,
Ребенка устремляешь къ сердцу мамы,
Туманишь зло, зовешь любовь къ себѣ
И браку душъ поешь эпиталамы.
Тебѣ дано пороки побороть,
Гармонія, души моей Господь...

1908. Ноябрь.

НАСМѢШКА КОРОЛЯ.

Властитель умиралъ. Льстецовъ придворныхъ стая
Ждала его конца, сдувая съ горностая
Одежды короля пылинки, между тѣмъ,
Какъ въ тайнѣ думала: „когда жъ ты будешь нѣмъ?“

Ихъ нетерпѣніе замѣтно королю,
И онъ сказалъ, съѣвъ ломтикъ апельсина:
— О, вѣрные рабы! Для васъ обижу сына:
Я вамъ отдамъ престолъ, я сердце къ вамъ крылю!—

И только онъ умолкъ,— въ разнузданности дикой
Взревѣли голоса, сверкнули палаши.
И вскорѣ не было у ложа ни души,—
Лишь двадцать мертвыхъ тѣлъ лежало предъ владыкой.

1911. Іюль.
Ст. Елисаветино, село „Дылицы“.

ЛЕОНИДУ АФАНАСЬЕВУ.

„У плотины старой мельницы".

Леонидъ Афанасьевъ.

Ваши милыя мелодіи,
Гдѣ воспѣли вы нашъ садъ,
Какъ волшебныя рапсодіи —
Души многихъ вдохновятъ.

Такъ любовна и такъ красочна,
Другъ мой, ваша акварель;
Цѣломудренна и сказочна,
Какъ на сѣверѣ апрѣль.

Если снова на свободѣ я
Заберусь въ мой старый садъ,
Пріѣзжайте,— и мелодіи
Ваши снова зазвучатъ!

1908.

ОТВѢТЪ Л. АФАНАСЬЕВУ НА ЕГО ПОСЛАНІЕ.

Ты шелъ дорогою проѣзжей,
И былъ твой шагъ трудолюбивъ.
А я парилъ въ лазори вѣщей,
Весь міръ въ осколки раздробивъ!

Ты робко пѣлъ и робко шелъ ты,
Боясь прохожихъ обогнать...
Листъ зеленѣлъ, потомъ сталъ желтый, —
Зазеленѣетъ ли? — Какъ знать!

Ты измѣнилъ Лунѣ и Нимфѣ,
Измѣной поругавъ сердца...
Но пусть шалашъ твой на Олимпѣ —
Напротивъ моего дворца!

1910.

ИЗМѢНА МАЯ.

Я родился въ маѣ, въ мѣсяцѣ весеннемъ,
Звонкомъ и веселомъ,
Шумномъ и душистомъ,
И сказали розы: „Мы тебя одѣнемъ
Свѣтлымъ ореоломъ —
Какъ молитва, чистымъ“.

Улыбнулось солнце, солнце засверкало,
Ласковымъ привѣтомъ
Чествуя рожденье;
Солнце загорѣлось, запылало ало
И зажгло поэтомъ
Съ искрой вдохновенья!

Разодѣтъ цвѣтами съ дѣтской колыбели,
Я запѣлъ соловкой
Радостно и звонко,
Запечатлѣвая міръ, гдѣ всѣ скорбѣли,
Юною головкой
И душой ребенка.

Время шло,— и солнце потускнѣло въ тучахъ,
Лаской не блестѣло,
Злоба пѣснь косила;
Опадали розы при вѣтрахъ летучихъ,
Истомилось тѣло,
Притупилась сила.

Время шло... И радость дней моихъ весеннихъ
Растопилась въ слёзахъ,
Сердцу не внимая;
И теперь я плачу, плачу на колѣняхъ
О погибшихъ грезахъ,
Объ измѣнѣ мая!

1908. Февраль.

НЕРАЗГАДАННЫЕ ЗВУКИ.

Въ дѣтствѣ слышалъ я ночами
Звуки страннаго мотива.
Инструментъ, мнѣ неизвѣстный,
Издавалъ ихъ такъ красиво.

Кто игралъ? на чемъ? — не знаю;
Все покрыто тайной мглою;
Только помню, что тѣ звуки
Власть имѣли надо мною.

Ихъ мотивъ былъ такъ чарующъ,
Такъ возвышенъ, полонъ ласокъ;
Вмѣстѣ съ тѣмъ печаленъ, страшенъ —
Описать его нѣтъ красокъ.

Я боялся этихъ звуковъ,
Изъ таинственнаго свойства,
Но когда я ихъ не слышалъ,
Я былъ полонъ безпокойства.

Я любилъ, когда незримый
Музыкантъ игралъ ночами;
Я лежалъ въ оцѣпенѣньи
Съ удивленными очами:

Я лежалъ въ своей кроваткѣ,
Щуря глазки и, дыханье
Затаивъ, ловилъ такъ жадно
Ихъ гармонію рыданья.

Звуковъ больше я не слышу.
Что они мнѣ предвѣщали?
Счастье ль въ мірѣ равнодушья
Или горе и печали?

Не нашелъ себѣ я счастья, —
Звуки горе мнѣ напѣли:
Я боялся ихъ недаромъ
Съ безмятежной колыбели.

А любилъ я ихъ, мнѣ мнится,
Потому, что эти звуки
Мнѣ сулили счастье въ смерти,
На землѣ напѣвъ лишь муки.

Знаетъ кто? быть можетъ, струны
Пѣли мнѣ слова Завѣта:
„Кто страдаетъ въ царствѣ мрака,
Насладится въ царствѣ свѣта".

8 октября 1903 г.
Квантунъ, портъ-Дальній.

NOCTURNE.

Струи лунныя,
Среброструнныя,
Поэтичныя,
Грустью нѣжныя, —
Словно сказка вы
Льетесь, ласковы,
Мелодичныя
Безмятежныя.

Блѣдно-палевы,
Вдругъ упали вы
Съ неба синяго;
Льетесь струями
Со святынь его
Поцѣлуями...
Скорбь сіянія...
Свѣтъ страданія...

Лейтесь, вѣчныя,
Безпріютныя —
Какъ сердечныя
Слезы жаркія!..
Вы, безкровныя,
Лейтесь ровныя, —
Счастьемъ мутныя,
Горемъ яркія...

1908. Сентябрь.

ПЕРЕКАТЪ II.

Какъ эта грустная обитель,
Твое сердечко опустѣло.
Любовь, какъ ясный небожитель,
Въ немъ больше жить не захотѣла

И вотъ глаза твои тоскливы,
Какъ эта грустная обитель.
Они угрюмы и пугливы,
Когда увидятъ бѣлый китель.

Я понимаю: обольститель
Убилъ любовь къ тебѣ измѣной.
Какъ эта грустная обитель
Вступаетъ въ бой съ морскою пѣной!

Дитя, взгляни: волна обратно
Бѣжитъ покорно. Такъ Спаситель
Тебя хранитъ, — ты благодатна,
Какъ эта грустная обитель.

1908. Декабрь.

НОВОГОДНЯЯ ЭЛЕГІЯ.

Съ новолѣтьемъ міра горя —
Съ новымъ горемъ впереди!
Ахъ, ни счастья, ни отрады,
Ни сочувствія не жди!

Прослѣди печальнымъ окомъ
Миновавшіе года:
Не дождался отъ нихъ счастья, —
Не дождешься никогда.

А съ какою ты надеждой
Имъ судьбу свою ввѣрялъ,
Вѣрилъ въ сбыточность мечтаній
И надѣялся, и ждалъ.

Не ищи въ унылой тундрѣ
Ароматныхъ яркихъ розъ, —
Не ищи любви и счастья
Въ мірѣ муки, въ мірѣ слезъ.

Не дождался — не дождешься,
Боль была и есть въ груди...
Съ новолѣтьемъ міра скорби—
Съ новой скорбью впереди!..

1908. 2-го янв.

ВСЕ ТО ЖЕ.

Все тѣ же краски, тѣ же типы
Въ деревьяхъ, птицахъ и цвѣтахъ:
Какъ вѣкъ назадъ — сегодня липы,
Какъ вѣкъ впередъ — любовь въ мечтахъ.

Строй мірозданья одинаковъ,
Почти разгаданъ, скупъ и плоскъ.
Но есть значеніе безъ знаковъ,
Есть знакъ, расплывчатый, какъ воскъ.

1909. Іюль
Мыза „Ивановка".

ТО БУДЕТЪ ВПРЕДЬ...

...То будетъ впредь, то было встарь...
Онъ полюбилъ Мечту, рожденную мечтою,
И первую любовь, завороженъ святою
Своей избранницей, принесъ ей на алтарь.

Но полюсомъ дышалъ ея далекій взоръ...
Отъ вѣянья его увяли въ сердцѣ розы,
Въ глазахъ замерзли слезы...
И треснулъ формъ Мечты безжизненный фарфоръ
— Фарфоровыя грезы! —

1908. Апрѣль.

ПРОБА ПЕРА.

Полна чаруйныхъ разочарованій
Весна въ лѣсу:
Крестьянку въ ало-синемъ сарафанѣ
На полосу
Хлѣбовъ, вчера посѣянныхъ, жду въ полдень,
Но —
И сыро, и темно,
И день такъ холоденъ...

1914. Іюль.
Мыза „Ивановка".

ЦВѢТЫ и ЯДОЦВѢТЫ.

Цвѣты не думаютъ о людяхъ,
Но люди гревятъ о цвѣтахъ...
Цвѣты не видятъ въ человѣкѣ
Того, что видитъ онъ въ цвѣткѣ...

Цвѣты людей не убиваютъ —
Цвѣты садовъ, цвѣты полей...
А люди ихъ срываютъ часто!
А люди часто губятъ ихъ!

Порою люди ихъ лелѣютъ,
Но не для нихъ, а для себя...
Въ цвѣтахъ находятъ „развлеченье",
Души не видятъ у цвѣтовъ...

Нѣтъ тяжелѣе и позорнѣй
Судьбы доступнаго цвѣтка!
Но есть цвѣты съ инымъ удѣломъ:
Есть ядовитые цвѣты!..

Ихъ счастье въ томъ, что ихъ расцвѣта
Не потревожитъ человѣкъ...

1911. Февраль.

ПРОМЕЛЬКЪ.

Янтарно-гитарныя пчелы
Напѣвно доили азаліи,
Огимнивъ душисто-веселый
Свой трудъ въ изумрудной Вассаліи.

1911. Іюль.
„Дылицы".

МИРРЭТЫ.

Зоюсѣ.

Въ березовомъ вечернемъ уголкѣ
Съ тобою мы на липовой скамейкѣ.
И сердце бьется вайчикомъ въ силкѣ.
Олуненныя тѣни, точно змѣйки,
То по песку, то по густой аллейкѣ
Въ березово-жасминномъ уголкѣ.

Жасминъ — мой другъ, мой вѣрный фаворитъ:
Онъ одышалъ, дитя, твое сердечко, —
Оно теперь душисто говоритъ,
Оно стрекочетъ нѣжно, какъ кузнечикъ.
Да освятится палевый нашъ вечеръ
И ты, жасминъ, цвѣтущій фаворитъ!

1911.

ЛЕПЕСТКИ ОЖИВАЮТЪ...

> Эти люди не въ силахъ загрязнить то, что я любилъ въ тебѣ; ихъ слова падали подобно камнямъ, брошеннымъ въ небо и неспособнымъ смутить ни на минуту ясной его лазури...
>
> М. Мэтерлинкъ.

Помнишь, Женя? — это было въ маѣ,
Года два, мой другъ, тому назадъ.
Если ты забыла, дорогая,
Не забылъ, быть можетъ, старый садъ.

Вечерѣло. Мы вдыхали струи
Вѣтерка, обнявшаго сирень.
Что за рѣчи! что за поцѣлуи!
Что за чудный, незабвенный день!

Подойдя задумчиво къ сирени,
Ты роскошный сдѣлала букетъ
И сказала: Вотъ тебѣ отъ Жени,
Получай, возлюбленный поэтъ!

Засмѣялась ласково и нѣжно,
Я пьянѣлъ, вдыхая ароматъ.
Ты взглянула въ очи мнѣ прилежно,
Прошептавъ: Мнѣ грустно, милый братъ...

Вздрогнулъ я, склонился на колѣни,
Я тебя, голубку, утѣшалъ
И тебѣ, моей любимой Женѣ,
Губки, глазки, ручки цѣловалъ.

...Мы разстались: мы съ тобой „не пара“,
Какъ сказали „добрые друзья“.
Но нельзя забыть признаній жара
И тебя нельзя забыть, нельзя!

И нельзя забыть былого тѣни,
Эти разъ любившія сердца,
Этотъ вздохъ, душистый вздохъ сирени,
Эти ласки, ласки безъ конца!

До сихъ поръ, тревожа и волнуя
Душу мнѣ, палятъ мои уста
Эти, только наши, поцѣлуи
Подъ охраной нашего куста.

О, когда бъ вернулись чувства мая,
Чувства наши свѣтлыя назадъ!
Помнишь, Женя? помнишь, дорогая?
Если ты забыла, помнитъ садъ.

1908. Февраль.

СЕРДЦЕ МОЕ...

Сердце мое, этотъ колосъ по осени,
Сжато серпомъ безсердечія ближняго,
Сжато во имя духовнаго голода,
Въ славу нетлѣнныхъ устоевъ Всевышняго.

Пусть же слѣпые жнецы, безсознательно
Сжавшіе сердце мнѣ многолюбивое,
Имъ напитаются съ мысленнымъ отблескомъ
Радуги ясной, сулящей счастливое.

1908. Августъ.
Мыза „Ивановка".

МОЛЧАНЬЕ ШУМА.

Убійцей жизни, мысли пробужденья,
Порывовъ свѣтлыхъ воздуха и грезъ —
Преступнымъ городомъ — убійцей вдохновенья —
Ползу среди ударовъ и угрозъ.

Ползу безъ направленья, безъ сознанья,
Безъ чувствъ, безъ глазъ, безъ слуха и безъ силъ...
И шумомъ города смѣется мнѣ Молчанье
Мертвѣе, безнадежнѣе могилъ.

1908. Мартъ.
Петербургъ

ЧТО ТАКОЕ ГРЁЗА?

Что такое — грёза? Что такое — грёза?
Это мысль о розѣ, но еще не роза...

Что такое — грёза? Что такое — грёза?
Это бархатисто-нѣжная мимоза...

Что такое — грёза? Что такое — грёзы?
Это серафима блещущія слёзы!

1909. Май.
Мыза „Ивановка“.

СТАНСЫ.

Счастье жизни — въ искрахъ алыхъ;
Въ просвѣтлѣньяхъ мимолетныхъ,
Въ грезахъ яркихъ, но безплотныхъ
И въ твоихъ очахъ усталыхъ.

Горе — въ вѣчности пороковъ,
Въ постоянномъ съ ними спорѣ,
Въ осмѣяніи пророковъ
И въ исканьяхъ счастья — горе.

1907.

ТРІОЛЕТЪ.

П. А. Ларіонову.

Мнѣ что-то холодно... А въ комнатѣ тепло:
Плита натоплена, какъ сердце нѣжной лаской,
Я очарованъ сна загадочною сказкой,
Но все же холодно, а въ комнатѣ тепло.
Разсудокъ замеръ. Скорбь цѣлуетъ мнѣ чело.
Таинственная связь грозитъ своей развязкой,
Всегда мнѣ холодно... другимъ всегда тепло!..
Я исчерблёнъ тепломъ, какъ сердце — ѣдкой лаской...

1909. Май.
Мыза „Ивановка".

МЕЧТЫ О ФОФАНОВѢ.

Въ кустахъ бѣлоснѣжныхъ черемухъ
Принцесса веселая Мая
Уснула, съ отрадой внимая
Весеннему щебету птицъ,
И видитъ во снѣ голубая
Принцесса веселая Мая:
Пируетъ въ лазурныхъ хоромахъ,
Въ сіяньи восторженныхъ лицъ,
Ея любимецъ давнихъ лѣтъ
Царевичъ пылкій Тріолетъ!

1911. Май.

СТАНСЫ.

К. М. Фофанову.

Звѣзда любви — звѣздой погаснетъ,
И гдѣ вы, свѣтлыя мечты!
И нѣтъ любви, и больше васъ нѣтъ...
Зачѣмъ, судьба, куешь мечъ ты?

Лишь ты одно блестишь, страданье,
Своей нетлѣнной красотой
Въ людской улыбкѣ и рыданьи
Неугасимою звѣздой.

1908.
Мыза «Ивановка».

ОСЕННЯЯ ЦАРИЦА.

Въ апрѣлѣ природа все юнѣе,
Но осенью болѣ пригожа.
Царица осенняя,— Юнія, —
На Врубеля Музу похожа...

Царица осенняя,— Юнія, —
Какъ лилія, золотокрыла...
Чѣмъ ночь лиловѣе и луннѣе,
Тѣмъ шире глаза пораскрыла...

1913. Августъ.
Веймарнъ.

ЕЯ СЕСТРА.

Ея сестра — ея портретъ,
Ея портретъ живой!
Пускай ея со мною нѣтъ,
Ея сестра со мной!

Я жду чарующаго сна,
Надежду затая.
Пусть больше не моя она,
Ея сестра — моя!

1908.
Мыза „Ивановка“.

МИНЬОНЕТЪ.

Уважать — это вовсе не значитъ любить,
А, любя, уважаешь невольно!
Если чувства захочешь въ слова воплотить—
Воплощать никогда не довольно!
Загляни-жъ мнѣ въ глаза, чтобъ любовь углубить,
Загляни бархатисто-фіольно...
Говорить, это вовсе не значитъ — любить,
А по взгляду узнаешь невольно!...

1912. Мартъ.

ИМПРОВИЗА.

Въ живой уютъ зеленыхъ кружевъ
Вошелъ я въ маѣ всей душой.
Я жаждалъ счастье обнаружить,
Я вѣрилъ... Было хорошо.

Тебя искалъ — вездѣ, повсюду,
А паркъ внимательно слѣдилъ...
Я все шепталъ: „приди... укутай...
Я вѣрю... устаю... приди"...

Но ты не такъ же, нѣтъ! а какъ же?
Да очень просто: ты не такъ,
Не такъ, какъ я: ты — въ экипажахъ,
А мнѣ болѣзненъ каждый шагъ...

1910. Май.
Павловскъ.

ЭКСЦЕНТРИЧКА.

Звѣзда горитъ звѣздѣ,
Волнѣ журчитъ волна.
Но въ ней, чего нигдѣ:
Она собой полна!

Заплачетъ,— блещетъ смѣхъ.
Смѣется,— слышенъ плачъ.
И грѣхъ ея — не грѣхъ,
И смерть ей не палачъ...

Пускай звѣзда къ звѣздѣ!
Пускай къ волнѣ волна!
Въ ней нѣтъ, что есть вездѣ,
И въ этомъ — вся она!

1908.

ТЕЗКИ.

Зовутъ васъ одинаково, но, Боже,
Какъ обѣ вы различны! — у одной
Каштановые волосы; характеръ
Весенній, героическій; въ глазахъ
Чертята прыгаютъ, чертята смѣха
И давятъ ангела неутолимой скорби.
Вотъ первая изъ васъ, и ты — вдали.

Вторая — анемичная блондинка,
Конфузливая, ровная; въ лицѣ
Упорная и прозная забота;
Въ губахъ — наивность, чувственность, лукавь...
И ты — со мной. Вы обѣ, это — я.

1912. Іюль.
Веймарнъ,
Мыза „Пустомержа".

ОТКРЫТКА ВАЛЕРІЮ БРЮСОВУ.

Вы поселились весной въ Нидерландахъ,
Бодро и жизненно пишите мнѣ.
Вы на оплесканныхъ моремъ верандахъ,
Я же въ колосьяхъ при ветхомъ гумнѣ.

Милый! но Вы не ошиблись, что волны
И за моимъ нарастаютъ окномъ:
Только не море, — то вѣтрятся клены —
Волны зеленыя, — поле съ овсомъ.

Вамъ — о полянахъ — на морѣ Нѣмецкомъ,
Мнѣ же въ поляхъ — о просторѣ морскомъ:
Въ сердцѣ поэта, — и мудромъ, и дѣтскомъ, —
Неумертвима тоска о иномъ...

1913. Августъ.
Веймарнъ.

БѢЖАТЬ ВЪ ЛЬЯНОСЫ!

Я въ ранней юности любилъ Эмара,
Очарованіе его разсказовъ.
Моей фантазіи, рабѣ экстазовъ,
Дороже многаго семья омара...

Дороже многаго душѣ фантаста
Вы, краснокожіе, и вы, помпассы!
Всѣ наши фабрики и всѣ лампасы
За васъ отдалъ бы я, какъ грузъ баласта.

Всѣ дѣти города больны, курносы,
Бездушны женщины, мужчины грубы,
Вампиры въ смокингахъ, въ пальто инкубы...
Бѣжимъ, мечта моя, бѣжимъ въ льяносы!

1910. Мартъ.

КАДРИЛЬОНЪ.

Грезить и плакать —
Плакать и грезить...
Больно и сонно,
Темень и слякоть...
Какъ пустозвонно
Пробило десять...
Плакать и грезить —
Грезить и плакать...

1908. Ноябрь.

ЗНАКОМЪ ЛИ ТЫ...

Знакомъ ли ты съ щемящею тоской
Унылыхъ дней безъ проблесковъ, безъ ласки.
Крылатыхъ грезъ тускнѣютъ краски,
И ты — одинъ!.. чужой!

И къ безднѣ роковой ведетъ тебя стезя...
А можно бъ счастье знать, волшебнѣе чаръ юга!..
Но гдѣ искать тебя, подруга?
И можно бъ, — да нельзя!..

1908.

ИЗЪ КАРМЕНЪ СИЛЬВА.

Скромнѣе будь въ желаньяхъ,
И воцарится миръ:
Ядъ зависти къ страданьямъ
Влечетъ несчастный міръ.

О, зависть ненавистна
И рушитъ города...
Рай шепчетъ укоризну,
Адъ манитъ въ ворота.

Она заводитъ войны
И славу топчетъ въ грязь,
И дерзко, и спокойно
Права клеймитъ, смѣясь,

И материнской муки
Причиною она.
Поменьше грезъ отъ скуки,
И станетъ тишина.

1908. Сентябрь.

ЕЯ ВНИМАНЬЕ...

Ея вниманье, какъ зефиръ,
Коснулось струнъ души несчастнаго.
И въ ощущеніи прекраснаго
Забылъ, что я, какъ правда, сиръ...

Забилось доброе во мнѣ,
Запѣло ласковыми струнами;
Я опьянѣлъ мечтами юными
И впечатлѣньями вполнѣ.

Грустятъ со мною вечера...
Какъ хороши мои мученія!
Въ душѣ — горячее теченіе,
Въ душѣ — счастливая пора...

1907. 1-го Іюня.
СПБ.

МАДРИГАЛЪ.

Увижу-ль Васъ, я Вами околдованъ,
Въ мечтахъ ли Вы, я грезой упоенъ.
Ахъ, знали бъ Вы, какъ умъ мой очарованъ,
Когда Вы посѣщаете мой сонъ.
Владычица мной скованной короны,
Простите эти блѣдные штрихи:
Изящны Вы — какъ музыка „Миньоны",
Какъ Мирры Лохвицкой стихи!

1908.

ЛѢСНОЙ НАБРОСОКЪ.

Лѣса сосновые. Дорога палевая.
Сижу я въ ельникѣ, костеръ распаливая.
Сижу до вечера, дрова обтесывая...
Шуршитъ зеленая листва березовая...
Пчела сердитая надъ муравейниками,
Надъ мухоморами и надъ репейниками,
Жужжитъ и кружится, зломъ обезсиленная.
Деревья хвойныя. Дорога глиняная.

1911. Іюнь.
Елисаветино,
„Дылицы".

УКОРЪ.

Каждый разъ, дитя, когда увижу
Твоего отца,
Я люблю тебя и ненавижу
Безъ конца:

О тебѣ онъ мнѣ напоминанье,
О тебѣ укоръ...
И твоя любовь, твое страданье —
Мой позоръ!

1908.

ПОДЪ ШУМЪ VICTORIA BAU *).

Квантунская элегія.

Грежу: предъ мною Балтійскія воды,
Цвѣта лазури, всѣ въ искрахъ — брильянтахъ,
Сердце въ мелодіяхъ, страстныхъ варьянтахъ
Счастья, прощенья, любви и свободы.
Разумъ мой ясенъ, свѣтлы мои мысли;
Всѣ ощущенья невинны и скромны.
Счастливъ бѣдняга гонимый, бездомный...
Въ дали вечерней — земля. Островъ? мысъ ли
Видишь? Что это? тамъ, кажется, люди?
Значитъ, тамъ есть идеалу преграда?
О, мнѣ не надо людей! мнѣ не надо!
О, не будите страданій вы груди!
Здѣсь такъ спокойно, пустынно и дико;
Ну, умоляю, еще хоть минуту...
Если виновенъ, простите вину ту
Лишь на мгновенье... Безъ жалобъ, безъ крика
Послѣ готовъ пострадать за мгновенье...
Здѣсь наберусь я любви всеобильной...
Съ духомъ подъятымъ и съ вѣрой всесильной
Послѣ прошу вамъ за ваши-жъ мученья!

Квантунъ,
Портъ Дальній, 5 августа,
1903.

---

*) Бухта „Викторія“ въ Желтомъ морѣ.

ПЛЫВУ РѢКОЙ...

Плыву рѣкой, играющей и быстрой,
Въ такихъ крутыхъ лѣсистыхъ берегахъ,
Плыву одинъ, и вспыхнувшею искрой
Блеститъ любовь минутная въ мечтахъ.

Я пораженъ и словъ не нахожу я
Изобразить мой ужасъ, мой восторгъ,
Что страсть во мнѣ проснулась и, бушуя,
Съ разсудкомъ вновь вступаетъ въ знойный торгъ!.

О неужель былыя увлеченья
И ихъ финалъ — мучительный кошмаръ —
Не загасили вѣру въ наслажденье
И страсть мою — какъ буря, какъ пожаръ!

Но все равно: онъ выше размышленья,
Въ душѣ моей сверкнувшій свѣтлый лучъ!
Его ловлю и, если вновь паденье,
Пускай паду, достигнувъ новыхъ кручъ.

1908.
Мыза „Ивановка".

НА МИГЪ...

Случалось вамъ, я думаю, не разъ
Любить на мигъ спокойное мерцанье
И задушевность незнакомыхъ глазъ,
Въ которыхъ нѣчто вродѣ состраданья
Ласкало васъ; и будь счастливецъ вы,
Или гонимый жизнію бродяга,—
Вамъ радостно... Не такъ ли для травы
Мила росы сочувственная влага?

1908.
Мыза „Ивановка".

ВЕШНІЙ ЗВОНЪ.

Тріолеты.

I.

Идетъ весна, поетъ весна,
Умы дыханьемъ кружитъ.—
Природа въ мигъ пробуждена!
Звенитъ весна! шумитъ весна!
Весной никто не тужитъ!
Весною радость всѣмъ дана!
Живетъ весна — живитъ весна,
Весь міръ дыханьемъ кружитъ!

2.

Бѣгутъ ручьи, бурлятъ ручьи!
Играютъ, пляшутъ воды!
Купаетъ солнце въ нихъ лучи!
Спѣшатъ, шумятъ, бурлятъ ручьи,
Какъ радостные годы.
И подъ лучами, какъ мечи,
Ледъ рубятъ бѣшено ручьи,
Ревутъ, бушуютъ воды!

3.

Чаруютъ, трелятъ соловьи,
Плывутъ струи сирени...
Тревожитъ душу зовъ любви,
Сирень, весна и соловьи...
Мечты о страстномъ плѣнѣ...
Нѣтъ сна... желаніе въ крови...
Она — въ мечтахъ... Ахъ, соловьи!
Ахъ, томный бредъ сирени!

4.

Вокругъ — все жизнь, любовь и свѣтъ,
Веселье, смѣхъ и розы!
Поетъ восторженно поэтъ
Весну, любовь и жизнь, и свѣтъ,
Живительныя грозы,
И то поетъ, чего и нѣтъ!..
Простимъ ему — такъ веселъ свѣтъ,
Такъ мелодичны розы!..

1908.

СЕРЕНАДА.

Хороводъ риѳмъ.

Какъ сладко дышется
Въ вечернемъ воздухѣ,
Когда колышатся
Въ немъ нѣжныхъ розъ духи!
Какъ высь оранжева!
Какъ даль лазорева!
Забудьте горе Вы,
Придите раньше Вы,
Надъ чистымъ озеромъ
Въ кустахъ акаціи
Я стану грезъ перомъ
Писать варьяціи
И пѣть элегіи,
Романсы пылкіе.
Безъ Васъ — какъ въ ссылкѣ я,
При Васъ же — въ нѣгѣ я.
Чего жъ вы медлите
Въ румянцѣ волота?
Иль страсть исполота,
Слова не бредъ ли тѣ?
Луны лучъ палевый
Пробрался. Перепелъ

Въ листвѣ эмалевой
Росу всю перепилъ,
Съ тоской сердечною
Отдамся музѣ я,
Со мной иллюзіи
Вы, миѳы вѣчные.
Какъ нервно молніи
Сверкаютъ змѣями.
Пойду аллеями,
Поѣду въ челнѣ я
По волнамъ озера
Топить безсиліе...
Какъ жизнь безъ розъ сѣра!
О, если бъ крылія!
Орломъ по сини я
Поплылъ чудесною
Мечтой, уныніе
Проклявши тѣсное.
Но лживы розъ духи —
Мои иллюзіи,
Души контузіи
Больнѣй на воздухѣ.
Высь стала сумрачна,
Даль фіолетова,
И вотъ отъ этого
Душа отъ думъ мрачна.
Все тише въ пульсѣ я
Считаю маятникъ,
Въ груди конвульсіи,—
И счастью памятникъ!

1907.

ШУТКА.

Я помню: день смѣялся блескомъ
Іюльскихъ солнечныхъ лучей.
Форель заигрывала плескомъ,
Какъ дѣва — ласкою очей.

Лѣсъ щебеталъ въ расцвѣтшемъ гулѣ,
И вотъ пришли ко мнѣ пѣвцы,
Они запѣли объ іюлѣ,
И пѣснь неслась во всѣ концы.

Своею пѣсней разукрасивъ
Плотину, мельницу и паркъ,—
Уѣхалъ милый Афанасьевъ
Изъ-подъ вѣтвей зеленыхъ аркъ.

И вслѣдъ за нимъ вечернимъ часомъ,
Подъ звуки гимна моего,
Ушелъ отмѣченный Парнасомъ
Мой незабвенный Комифо *).

1908. Октябрь.

---

*) Псевдонимъ К. М. Фофанова.

БИБЛІОГРАФІЯ.

БИБЛІОГРАФІЯ.

I. Поэзы, включенныя въ этотъ сборникъ, ранѣе помѣщенныя въ слѣдующихъ изданіяхъ:

Въ альманахѣ «Молоко кобылицъ» (г. Москва, 1914 г.): «Въ блесткой тьмѣ».

Въ журналѣ «Рампа и Жизнь» (г. Москва, 1914 г.) «Валентина».

Въ альманахѣ издательства «Очарованный Странникъ» (Спб., 1914 г.): «Рондо».

Въ журналѣ «Весна» (Спб., 1914 г. изд. Шебуева): «Евгенія», «Prelude II», «Полусонетъ», «Что такое — греза», «Тріолетъ».

Въ газетѣ «Утро Россіи» (г. Москва, 1914 г.) «Регина».

Въ газетѣ «Нижегородецъ» (1912 г.): «Лиробасня», «На премьерѣ», «Тріолетъ», «Граціоза», «Мельница и барышня», «Миньонеты», «По восемь строкъ», «Рондель».

Въ газетѣ «Дачница» (г. Стрѣльна, 1912 г.) «Морской набросокъ».

Въ альманахѣ «Отмѣна визитовъ» (Спб., 1912 г.) «Эскизъ».

Въ журналѣ «Златоцвѣтъ» (Спб., 1914 г.): «Повсемѣстная».

Въ брошюрахъ Игоря Сѣверянина:

Въ 10-й — «Изъ пѣсенъ сердца» (1905 г.): «Неразгаданные звуки».

Въ 13-й — «Мимоза» (ч. 1, 1906 г.): «Тоска по Квантуну».

Въ 14-й — «Мимоза» (ч. 2, 1906 г.): «Гдѣ при вздохѣ вѣтерка поетъ фарфоръ»...

Въ 17-й — «Зарницы мысли» (1908 г.): «Оттого и люблю».

Въ 18-й — «Сирень моей весны» (1908 г.): «Мадригалъ».

Въ 20-й — «Лунныя тѣни» (ч. 1, 1908г.): «Nocturne» («Струи лунныя»...), «Сердце мое», «Стансы».

Въ 21-й — «Лунныя тѣни» (ч. 2, 1908 г.): «Вернуть любовь», «Леониду Афанасьеву», «Молчаніе шума».

Въ 22-й — «Лазоревыя дали» (1908 г.): «Новогодняя элегія», «То будетъ впредь».

Въ 23-й — «Это было такъ недавно» (1909 г.): «Nocturne», «Эскизъ», «Колыбельная».

Въ 24-й — «А садъ весной благоухаетъ» (1909 г.): «Траурная элегія», «Царица изъ парицъ».

Въ 25-й — «За струнной изгородью лиры» (1909 г.), «Ванда», «Измѣна мая».

Въ 27-ой — «Колье принцессы» (1910 г.): «Тебѣ, моя красавица», «Амазонка».

Въ 29-й — «Предгрозье» (1910 г.): «Грандіозъ».

Въ 30-й — «Электрическіе стихи» (1911 г.): «Въ лимузинѣ», «Berceuse», «Пятицвѣтъ I», «Озеровая баллада», «Chansonnette», «Западъ погасъ».

Въ 33-й — «Качалка грезэрки» (1912 г.): «Цвѣтокъ букета дамъ», «Диссо-рондо», «Издѣвательство».

II. Поэзы, включенныя въ этотъ сборникъ, появляющіяся въ печати впервые:

«Увертюра», «Въ коляскѣ Эсклармонды», «Барбарисовая поэза», «На островахъ», «Поэза о 1001 знакомствѣ», «Въ осѣнокошенномъ іюлѣ», «Родникъ», «Къ чертѣ черта», «Поэза спичечнаго коробка», «Электрассонансъ», «Въ гостиницѣ», «Кузина Лида», «Никчемная», «Жуткая поэза», «Рондо оранжеваго заката», «Когда ночѣло», «Тѣнь апельсинной вѣтки», «Шантажистка», «Шансонетка горничной», «На голосъ весенней новеллы», «Эскизетка», «Эго-рондола», «Промелькъ I», «Пятицвѣтъ II», «Въ ресторанѣ», «Отчаяніе», «Поэза о Mignon», «Блаженный Гриша», «Предостерегающая поэза», «Она критикуетъ», «Букетъ забвенія», «Berceuse томленія», «Одинъ бы лепестокъ», «Чьи грезы», «Насмѣшка короля», «Отвѣтъ Л. Афанасьеву на его посланіе», «Перекатъ II», «Все то же», «Проба пера», «Цвѣты и ядоцвѣты», «Промелькъ II», «Миррэты», «Лепестки оживаютъ».

III. Поэзы, включенныя въ третье изданіе, какъ дополненіе, ранѣе нигдѣ не напечатанныя:

«Эксцентричка», «Мечты о Фофановѣ», «Импровиза», «Ея сестра», «Тёзки», «Миньонетъ», «Осенняя царица», «Открытка Валерію Брюсову», «Бѣжать въ льяносы», «Кадрильонъ», «Вешній звонъ», «Хороводъ риомъ», «Плыву рѣкой», «Стансы Фофанову», «Знакомъ ли ты?», «Изъ Карменъ Сильва», «Ея вниманіе», «Мадригалъ», «Лѣсной набросокъ», «Укоръ», «Квантунская элегія», «На мигъ», «Серенада», «Шутка».

СОДЕРЖАНІЕ.

I. Розирисъ.

Увертюра 11
Грандіозъ 12
Въ коляскѣ Эсклармонды 13
Барбарисовая поэза 14
Цвѣтокъ букета дамъ 15
Въ блесткой тьмѣ 16
Въ лимузинѣ 17
На островахъ 18
Валентина 19
Тебѣ, моя красавица 21
Поэза о тысяча первомъ знакомствѣ . . 23
Въ осѣнокошенномъ іюлѣ 24
Родникъ 25
Къ чертѣ черта 26
Поэза спичечнаго коробка 27
Рондо 28
Амазонка 29
Berceuse 30
Электрассонансъ 31
Въ гостиницѣ 32
Кузина Лида 33
Никчемная 34
Жуткая поэза 35
Рондо оранжеваго заката 36
Евгенія 37
Когда ночѣло 38

Пятицвѣтъ I 39
Регина 40
Лиробасня 41
На премьерѣ 42
Диссо-рондо 43
Тѣнь апельсинной вѣтки 44
Шантажистка 45
Шансонетка горничной 47
Озеровая баллада 49
Издѣвательство 50
На голосъ весенней новеллы 51
Эскизетка 52
Эго-рондола 53
Промелькъ 54
Пятицвѣтъ II 55
Въ ресторанѣ 56
Отчаяніе 57
Поэза о «Mignon» 58
Блаженный Гриша 59
Предостерегающая поэза 60
Chansonnette 61
Она критикуетъ 62

II. Незабудки на канавкахъ.

Nocturne 67
Тоска по Квантуну 68
Западъ погасъ 69
Тріолетъ 70
Морской набросокъ 71
Граціоза 72
Prelude II 73
Гдѣ при вздохѣ вѣтерка поетъ фарфоръ 74
Эскизъ 75
Траурная элегія 76
Царица изъ царицъ 77
Оттого и люблю 78
Вернуть любовь 79

Букетъ забвенья 80
Berceuse томленія 81
Мельница и барышня 82
Миньонеты 83
Одинъ бы лепестокъ 84
Чьи грезы? 85
Колыбельная 86
Мадригалъ 87
Повсемѣстная 88
По восемь строкъ 89
Рондель 91
Полусонетъ 92
Ванда 93
Насмѣшка короля 95
Леониду Афанасьеву 96
Отвѣтъ Л. Афанасьеву на его посланіе. 97
Измѣна мая 98
Неразгаданные звуки 100
Nocturne 102
Перекатъ II 103
Новогодняя элегія 104
Все то же 105
То будетъ впредь 106
Проба пера 107
Цвѣты и ядоцвѣты 108
Промелькъ 109
Миррэты 110
Лепестки оживаютъ 111
Сердце мое 113
Молчаніе шума 114
Что такое грёза? 115
Стансы. 116
Тріолетъ 117
Мечты о Фофановѣ 118
Стансы 119
Осенняя царица 120
Ея сестра 121
Миньонетъ 122
Импровиза 123

Эксцентричка 124
Тёзка 125
Открытка Валерію Брюсову 126
Бѣжать въ льяносы 127
Кадрильонъ 128
Знакомъ ли ты 129
Изъ Карменъ Сильва 130
Ея вниманье 131
Мадригалъ 132
Лѣсной набросокъ 133
Укоръ 134
Подъ шумъ Victoria Bay 135
Плыву рѣкой 136
На мигъ 137
Вешній звонъ 138
Серенада 140
Шутка 142

БИБЛІОГРАФІЯ 145

PG
3476
S4352
A73
1916a

Severianin, Igor'
Ananasy v shampanskom

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY

UTL AT DOWNSVIEW
D RANGE BAY SHLF POS ITEM C
39 15 08 05 13 004 2